

ЭЛЕОНОРА РАТКЕВИЧ

БЛИЖЕ СМЕРТИ И
ДАЛЬШЕ СЧАСТЬЯ

Элеонора Раткевич

Ближе смерти и дальше счастья

«Демина Людмила Дмитриевна»

1991

Раткевич Э. Г.

Ближе смерти и дальше счастья / Э. Г. Раткевич — «Демина Людмила Дмитриевна», 1991

ISBN 5-17-027447-5

Любовь может принимать разный облик. Но и за сотни световых лет от Земли, и на границе миров, и в отчаявшемся городе любовь остаётся собой. И она скажет своё слово. Родная земля может выглядеть по-разному. Но какой бы враг ни попытался захватить её, она остаётся собой. И она даст силы своим защитникам. А сказки... они всегда остаются сказками. Даже если им самим так не кажется...

ISBN 5-17-027447-5

© Раткевич Э. Г., 1991

© Демина Людмила Дмитриевна, 1991

Элеонора Раткевич

Ближе смерти и дальше счастья

– Да, в общем, умер, – произнес врач.

Интересно, а как можно умереть частично? В одной фразе содержалось много нелепостей, но в первый момент она заметила только эту. То, что он, в общем, умер, до нее дошло чуть позже.

Одри Брентон, чтоб скрыть неуместную искорку веселья во взгляде, уставилась на что попало. Какой яркий контраст между белизной простыни и смуглой рукой Счастливирика. Рука выглядит совсем мягкой и теплой, слишком живой для умершего.

– Нет, в этом смысле, безусловно, нет, – заверил Одри врач, поняв ее недоумение. – Конечно, он еще будет долго, долго вегетировать вот так. Лет пятьдесят, а то и семьдесят.

Вегетировать? Рич? Счастливирик Рич?

– Но из коматозного состояния он уже никогда не выйдет. Он умер не здесь, если так можно выразиться. Он умер там, где выполнял свою миссию. Его психика, можно сказать, мертва.

Когда человек месяц не вставал с места, странно слышать, что он умер не здесь.

Стоп. Умер?

– Так не бывает, – отрезала Одри. – Не морочьте мне голову. За этот вызов вы мне еще ответите. Господи, а я-то думала...

– Милая Одри, – ответил врач, – я вполне вас понимаю. Но, знаете ли, именно это и произошло.

Вот только теперь Одри оценила запинаящуюся речь врача. Его бесконечные «знаете ли», «в общем» и прочие словечки, совершенно ему не свойственные. И, как ни странно, именно эта мелочь и убедила ее в том, что трагедия все же состоялась.

Но ведь невероятная. Смерть такого рода попросту исключена из пределов возможного. Агент может умереть здесь. Если откажет аппаратура, поддерживающая при жизни тело, чья психика находится в каком-нибудь носителе на другой планете... в принципе возможно, хотя за последние сорок лет ни разу не случалось. Но это на языке Управления – «смерть здесь», а там, в чужом теле, в чужих мирах, живой разум покойного наблюдателя исправно работал, и проблема возникала лишь по окончании работы: куда его девать? Естественно, эти разумы работали непрерывно, отправляясь с одной планеты на другую без отпуска. Работа у наблюдателей и так нервная, к чему еще и сообщать, что ты уже давно почил в бозе? На жаргоне Управления такие разумы назывались «летучими голландцами». Вот уже сорок лет, как ко всей механике прибавилась еще одна страховка: стоило чему-нибудь из аппаратуры жизнеобеспечения сломаться, перегреться или претерпеть еще что-нибудь непотребное, как миссия оканчивалась, и компьютер тут же возвращал разум агента в его естественное тело. Это тоже был жаргон Управления – «естественное тело». Правда, подсознательный страх вытравить не так-то легко, один из «голландцев» был еще жив, и любой сотрудник, получавший два направления подряд без возвращения хотя бы на денек в естественное тело, боялся, уж не стал ли он очередным «голландцем». Но это – «смерть здесь».

А вот «смерть там» была практически невозможна. Об этом позаботились еще при самых первых опытах более ста лет назад. Мало ли в кого могут забросить твою психику? Может, этот субъект как раз намыливает петельку, а тебе что же – помирать с ним за компанию? Одно слово – носитель. Вот потому-то смерть носителя автоматически возвращала агента в «естественное тело». Более того. Агентов-наблюдателей отбирали по принципу абсолютной психической устойчивости. Так-то оно так. Но если в незапамятные времена говаривали «раз в год и палка стреляет», то применительно к Управлению старая мудрость гласила: «раз в жизни и

наблюдатель может спятить». В этом случае всемогущая система также гарантировала возврат. Да что там – спятить, малейшая депрессия, и та замыкала контакт, и агент, не успевший даже осознать толком свой душевный кризис, возвращался в привычный мир.

За всю историю Управления такого случая не было. Счастливчик Рич не шутил, говоря Одри, что профессия наблюдателя самая безопасная из всех романтических и самая романтичная из всех безопасных. Смерть носителя – возврат. Дефект аппаратуры – возврат. Задумавшись о мировых проблемах с тоской – возврат.

Но разум Счастливчика Рича пережил нечто невозвратимое. Рич мертв. Первый агент, «умерший там».

– Что теперь будет? – тихо спросила Одри. Нелепый вопрос, но еще нелепей было бы спросить «а как это могло случиться?». Ясно же, что ответа не последует.

Врач пожал плечами.

– Не знаю. По закону, пока его тело... м-м-м... ну, словом, пока не наступила «смерть здесь», он должен существовать. Конечно, если вы хотите, его можно перевести в резерв для... э-э-э... вы понимаете меня...

Еще бы не понять. Представив себе чужой разум в теле, с которым она провела не одну ночь, Одри чуть не сомлела.

– Мне бы не хотелось, – ответила она, тоже избегая прямых формулировок.

– Вот видите.

Одри видела только одно. Мраморно-неподвижную белизну простыни, на которую месяц назад лег Рикардо. Складкам, однажды заматытым этой смуглой тяжестью, суждено пребывать именно такими. Его тело будет лежать здесь, пока не умрет и оно. Стекланный колпак никогда не сдвинется. Идеальный памятник. Одри не испытывала горя. Возможно, оно придет потом.

– Мы не знаем, как это случилось, – говорил ей начальник, аккуратно вымарывая из графика запись «Рикардо Стежки». – И потом, Счастливчик не закончил свою работу. Вы, конечно, можете отказаться.

– Зачем? – пожала плечами Одри. – Я ведь сама напросилась.

– А вы уверены, что переход пройдет нормально?

Одри удивленно воззрилась на начальника.

– Вы же знаете систему страховки. Душевнобольные не переходят. Два часа машинного времени, потраченного впустую, и все.

– Но с чего вы взяли...

– У нормальных людей, – вполне серьезно произнес начальник, – присутствует инстинкт самосохранения. Мы ведь так и не знаем, что там случилось, И упрекнуть их не в чем. «Смерть там» – кто хочешь испугается. А вы напрашиваетесь сами. Может, не стоит терзать компьютер понапрасну?

Шутит, конечно.

Одри хрустнула пальцами. Совершенно нет чувства юмора у человека. Шутит он очень неуклюже и только в самых критических ситуациях. Из этой потуги на остроумие сам собой напрашивается вывод о том, насколько нешуточная ситуация сложилась в отделе.

Что-то, с чем столкнулся Рич. Грозное. Непонятное. Неведомое.

– Это пройдет, – медленно произнесла Одри. – Один случай на миллиард. Он не может повториться! Все это очень скоро забудется, вот увидите.

Как будто Рикардо никогда и не было. Приснился, например. Ей – легко говорить. Они собирались сыграть свадьбу, когда Рич вернется. Приснился. Сны наяву. Рич улыбается. Он вернулся из очень важного перехода, и ему присвоили разряд старшего наблюдателя. По этому случаю его смуглое тело облачено в форменную одежду. Белое ему очень идет. Мраморно-белые простыни... Ночь перед экзаменом. Чертовски хочется спать. Она засыпает на каждом слове. Рич трясет ее за плечи. Она невнятно бормочет основы психотехники и снова

проваливается в сон, Рич откидывается на подушку. Крахмальные простыни под его тяжестью чуть слышно хрустят и замирают. Белые крахмальные простыни в переходном отсеке... Ее первый переход и первое возвращение. Ее рассудок уже отвык от земных реалий. Какое наслаждение – впитывать знакомые звуки, образы. Рич сидит напротив. Его загорелые руки спокойно лежат на белой скатерти. На белой... Сны, только сны. Стежки вспоминаются, как сон. Смутно, отрывочно. Сон не хороший и не плохой. Никакой.

Как можно быть такой бессердечной?

Притом настолько, чтобы не задать себе этот вопрос?

Об этом Одри себя так и не спросила. Взамен она мысленно поклялась узнать любой ценой, что же случилось «там». Отчего Рикардо Стежки по прозвищу Счастливчик навсегда останется на белой простыне.

Одри времени даром не теряла. Едва получив направление на переход, она вернулась в аппаратный блок. Там она отыскала свободный терминал. На экране мерцала обычная комбинация букв и цифр. Никаких тебе заставок, никаких картинок, звуков, никакого плеска воды и запаха леса. Ничего, способного отвлечь внимание агента.

Одри села за клавиатуру и утопила кнопку диалогового режима. Терминал немедленно откликнулся: нейтральный код исчез. Вместо него возникла надпись.

– Сформулируйте задачу.

Одри уже коснулась клавишей.

– Переход.

– Введите опознаватель.

– Одри Брентон.

На сей раз ответ появился с секундным запозданием. Машина якобы искала нужный файл.

– Добрый день, наблюдатель Брентон.

Одри всегда бесила эта имитация неспособности. На заре компьютерной эры первые машины демонстрировали, что они могут гораздо больше, чем в действительности, – и уж во всяком случае, больше человека. Быстрее, стабильнее, точнее... до тех пор, пока некий доктор Дювалье не обнаружил свою теорию технофобий. Цена этой теории – ломаный грош... а уж для Одри Дювалье и всяко был в одной цене с Фрейдом – смешно даже и вспоминать претензии этого почти средневекового шарлатана, утверждавшего, что уж он-то знает, что такое подсознание! Можно подумать, он там был, в подсознании. А вот Одри – была, и не раз. Как и все агенты Космодиста. И не в одном подсознании, а во многих. Для агентов труды господина Фрейда – источник нескончаемого смеха, смеха до слез изнеможения, до колик. Но то – Фрейд... а вот Дювалье – это не смешно. Какой вывих мозгов надо иметь, чтобы додуматься, будто надежность техники и есть то, что заставляет ее бояться и подозревать в ней сверхчеловеческое могущество? Спасибо доброму доктору Дювалье – ведь это благодаря ему компьютер вынужден притворяться, будто не может отыскать данные в своих электронных мозгах быстрее, чем старый склеротик в силах вспомнить, что он делал позавчера! Это благодаря ему двое коллег Одри провели полгода в адапте с настоящей, не выдуманной Дювалье фобией – страхом стать «летучим голландцем» из-за ненадежности машины... машины, которая так долго думает перед тем, как поздороваться с агентом.

– Добрый день.

– Переход разрешен. Введите координаты.

Одри скормила компьютеру координаты избранной планеты. Снова пауза. Очень долгая.

– Носитель найден. Повторяю разрешение перехода. Пройдите в переходный отсек.

Одри ввела в компьютер традиционную формулу благодарности. И получила в ответ столь же неизменное: «Удачного перехода, наблюдатель Брентон».

Одри быстрой, стелящейся походкой влетела в переходный отсек, нашла дверь с табличкой «О. Брентон», потом в комнату, не сбавляя темпа, молниеносно разделась, села на постель и быстро всунула запястья и лодыжки в кольца датчиков – их наблюдатели честили наручниками. Легла. Задержала дыхание. Все, надо успокоиться, нельзя так, это сумасшествие. Чем скорее она успокоится, тем быстрее закончится переход. Все, все, все. Все. Уже все. Закрой глаза. Коллючая прохлада ложится на веки, они тяжелеют, датчики прижимают их. Тысячи игл касаются головы, каждая обжигает холодно. Несколько датчиков присасываются под левой грудью. Трубки дыхательные, питательные, выводящие. Одри повторяет обычные мысленные круги. Переходит на сужающуюся спираль. Одно счастье, что в эту минуту сознание частично отделяется от тела, иначе унижительность процедуры была бы нестерпимой. Еще виток, ниже. На этой стадии отключения Одри всегда видела свое тело извне. Она не знала, кажется ей это или нет. Кстати, а у других наблюдателей тоже так? Вечно она забывает спросить. Но сегодня на ее месте лежит другое обнаженное тело. В паутине кабелей, трубок и датчиков смуглая кожа Счастливого Рича дышит шелковым блеском.

Мысль Одри вздрогнула, сбилась, снова перешла на круг и смятенно прошла его четырехжды. Возвращение на спираль. Резким рывком. Кажется, удачно, иначе все началось бы сначала.

Еще виток.

Стеклянный купол опускается.

Еще виток. Еще. Уже. Глубже. Есть!

Спираль сомкнулась в ослепительную точку, и Одри наконец устремилась в эту точку, рванулась и замерла.

Переход завершился.

Все очень просто. Полеты к далеким звездам отнимают немыслимую бездну времени. Куда проще и быстрее переносить одно только сознание. Еще в далеком прошлом люди предвидели подобную возможность. Но в старых романах – а под их влиянием и в новых опытах – для переселения подбирали бессознательное тело. Безнадежного кретина, например, или больного с потерей памяти. Не сразу, конечно, но порочность подобного выбора сделалась совершенно ясна.

Земной опыт не годится на другой планете. Тем более невозможно инородному сознанию затеряться среди туземцев. После первых неудач систему поиска переориентировали, и она стала выбирать других носителей. Не только не дебилов – напротив, очень умных, с большим жизненным опытом. Иногда это были писатели, актеры, ученые, изредка попадались жрецы и властители, но чаще всего временный приют агентам Управления давали авантюристы всех мастей и калибров. Кем окажется носитель, агентам обычно не сообщали: любая предварительная информация, как правило, мешала последующему контакту.

Конечно, это аморально – забираться в чужое сознание, ясное дело. Поэтому практика Управления поначалу встречала бешеное сопротивление в массах. Чего именно боялись, трудно сказать. Не прямой подсадки в свой мозг сопланетника – это как раз было технически невозможно. И даже, пожалуй, не принципа «как аукнется, так и откликнется». Мол, куда наши наблюдатели в чужих телах торчат на Прочионе, агенты с какого-нибудь Сириуса отсиживаются в нас самих. Скорее это было здоровое отвращение ко всему аморальному и ненормальному.

Потому что это ведь ненормально и нездорово – управлять чужим телом и знать чужие мысли, как свои. И с ощущениями накладкой. Компьютер выбирал носителя, исходя из его образа жизни, склада ума, характера, насколько все это вместе взятое соответствует задаче, стоящей перед наблюдателем, поможет носитель агенту или помешает. А вот на... как бы это повежливей... половую принадлежность чертовой железяке было глубоко наплевать, и рано или поздно мужчина-наблюдатель оказывался брошенным в глубины сознания жен-

щины-носительницы или наоборот. Хотя агенты знали, что это должно случиться, первый адаптационный шок всегда был ужасен. Потом привыкали. В результате вот уже пятьдесят лет, как появилась поговорка «Наблюдатели не краснеют». Им было очень легко и невероятно трудно в личной жизни. Агенты не могли не понимать друг друга. Поэтому любили чаще всего за пределами Управления, Сложно любить наблюдателя. А вот женились чаще всего в пределах профессии – и по той же причине. Став наблюдателем, Одри не раз подумывала, уж не за тем ли Рич уговорил прийти ее в Управление – сначала программистом, а потом и наблюдателем.

До сих пор Одри невероятно везло. За пять лет переходов – одни женщины. На этот раз ее заранее лихорадило. Смерть Рича не могла не стать первым звеном в целой цепи неприятностей.

Господи, ну когда же, когда? Войти, пока носитель бодрствует, невозможно. Боже, да они здесь вообще спят когда-нибудь?

Ну наконец. Сжатое в точку сознание Одри ощутило привычные импульсы. Спит. Можно выйти из точки. Одри начала по привычной формуле. Сперва зрение и слух, быстрее, пока носитель не видит снов. Волнообразные толчки. Качание, размах все возрастает. Амплитуду надо чувствовать, иначе вместо мысленной сцепки на слишком крутом размахе получится мысленный удар, и ни в чем не повинный человек может ослепнуть. Одри была асом по этой части. Размах. Прикосновение. Одри медленно растеклась по зрению и слуху, обтекая, обволакивая. До утра она успеет впитаться. В обонятельную зону она скользнула легко, нашла ее сразу, без дополнительной раскочки, без ощупывания. Теперь тактильные рецепторы, холод, тепло, боль. И мышечное чувство. На первом же касании Одри ощутила препятствие, нажала чуть сильнее и вошла непривычным толчком.

Обжигающий стыд. Тошнотворная карусель серых и черных тонов, мысленное соответствие морской болезни.

Одри старательно повторила, как заклинание, формулы адаптации. Ей говорили, что в первый раз это мало помогает, но и самая малость лучше, чем ничего. Она с трудом сдерживала посторонние мысленные рывки, ощущая себя в сильном молодом мужском теле. Уж не везет, так во всем.

Одри была, по счастью, хорошо тренирована. Почти все ее мысли рвались и разбегались. Но что-то уже из области рефлексов само выполнило дальше необходимые действия.

Одри обрушилась в речевую зону. Здесь контакт был необыкновенно легким, но это ее не утешило. Зато обычный языковой удар – на жаргоне агентов «планка» – прошел почти безболезненно, настолько было велико ошеломление от предыдущего шока. За доли секунды узнать чужой язык, как родной, проникнуть в него... процедура болезненная и сложная. Одри все сделала совершенно машинально. И вовремя. Она выплыла сквозь невыносимое, глубинное лингвистическое давление в верхние слои словесного океана и увидела смутные образы. Чужие сны. Одри замерла. Потом осторожно поставила блок и наконец заснула сама. Жаль, что спать недолго. Провозилась она сегодня, как никогда, а проснется она завтра вместе с носителем. Как бишь его там... Деайним Крайт.

Утром она почувствовала себя спокойнее. Носитель уже проснулся, но лежал с закрытыми глазами. Одри сама частенько полеживала так в своем естественном теле. Есть, значит, общие привычки. Черт его знает, может, все не так скверно. Так. Теперь самое время разобратся, где они. Можно прощупать сознание носителя, Одри всегда так и делала, но сейчас ей было неприятно и жутко. Лучше сообразить по ощущениям.

Ну-с, и что же мы ощущаем?

Отвратительный запах. Пахнет рыбой, мочой, гнилью, тухлой солониной и прочей пакостью. Как хорошо, что она не успела проникнуть ночью в жизненно важные центры. Этот человек уже принялся и не реагирует на привычную вонь, а вот Одри непременно дала бы импульс на кашель и рвоту. Пахнет прямо-таки жутко.

Положение тела хотя бы без неприятных сюрпризов. Лежа на спине. Постель умеренно жесткая. Ну и лежбища в этих нецивилизованных мирах! Постель чуть колыхнется. Усталой Одри хочется заснуть под ритмичное укачивание, но бодрствующее сознание носителя не дает отключиться.

Слышится слабое потрескивание, легкое, почти звенящее. Одри никогда ничего подобного не слышала. Но Деайнима это не беспокоит, звук привычный, в порядке вещей, и оттого почти за гранью восприятия. Одри знает, что волноваться нечего, и не волнуется. Другой звук более привычен: мерный плеск волн. Корабль, надо думать, Судя по запахам, трюм либо очень скверная каюта.

Деайним открывает глаза.

Ну, мир, ну, условия! Кают здесь, видно, и в помине нет, Точнее, они совмещены с трюмом. Аккуратно сложенные мешки и ящики явно с чем-то дорогим, тухлую рыбу так не грузят. Но пахнет тухлой рыбой – будь здоров. Койка по здешним понятиям удобная. В углу поблескивает бронзовое зеркало, отполированное ртутью. Ото, это уже роскошь. Точнее, претензия на роскошь. Зеркало уже потускнело, медная оправа с прозеленью. А вот роскошь настоящая. В узкой стойке укреплен странной формы пылающая ветка. После вчерашнего лингвистического экскурса Одри уже знала, что это такое. Ветки дерева айкон. Толстенная кора его, если поджечь, тает, оплывает, как воск, и испаряется, а тонкий по сравнению с ней слой древесины так насыщен маслами, что образует недурное подобие фитиля. Ветка толстая, старая, раскидистая. Несортовой товар. Такие растут на побережье, и контрабандисты нагружают целые трюмы причудливыми природными светильниками, сбывая их по дешевке жителям столицы либо дальше в горах за бешенные деньги. На плантациях айкон срезают совсем молоденькими побегами, одиночными либо на два или четыре разветвления, пока они еще прямые и неизогнутые. Такие свечевидные отростки ценятся довольно высоко. К тому же молодой побег можно подсушить, и тогда получится цветное пламя, а если его чуть выморозить подсушенным, ветка будет разбрасывать восхитительные снопы искр вроде бенгальских огней. Но эта ветка явно контрабандного происхождения.

Похоже, что вся посуда и принадлежит контрабандистам.

– Эй, пассажир, – просунулась в дверь толстая ряшка, Внешне Деайним был явно спокоен, ни один мускул не дрогнул, Одри бы почувствовала. А вот внутри, в сознании, произошло нечто наподобие взрыва, и Одри ощутила его болезненным ударом. Страх... или скорее настороженность, но и страх тоже, от себя-то не укроешься. Интересно, чего он боится?

– Просыпайся, пассажир.

– У меня, между прочим, имя есть, Руа-Танг, – лениво процедил Деайним. В голосе слышалась неприязнь, а вот внутри ее не было, сплошная доброжелательность. Хитрец, подумала Одри с улыбкой и расслабилась.

Деайним соскочил с койки. Одри поспешно отключилась. Всему есть свои границы. Не хватало еще по сортирам шляться вместе с клиентом.

Пробудило ее ощущение приятного холода. Холодная вода. Деайним, голый по пояс, в обтягивающих штанах, плескался в умывальном приборе. Струйки воды стекали на лопатки с длинных волос. Одри пока не рисковала ощущать сама и лишь воспринимала внешний мир, уже обработанный мозгом Деайнима. Происходящее он воспринимал не просто как приятную процедуру, но как мучительно острое наслаждение. Одри никогда бы не подумала, что умываться – это так восхитительно. Еще и еще, холодной водой на лицо, на грудь, на плечи, и еще, не в силах оторваться. Толстый Руа-Танг смотрел на Деайнима с завистливым одобрением.

– Ну, ты силен, – заметил Руа-Танг, любуясь Деайнимом снизу вверх из-за разницы в росте. – Быстро оклемался. Я думал, ты уже не жилец.

Деайним выпрямился.

– Я так просто не умру.

Волна гордости и счастья. Хорошо, когда есть за что себя уважать. Горделивое сознание своей силы, со странно мечтательным оттенком. И мощный порыв счастья: «Я жив, я жив, ничего, что так больно, сломанные ребра скоро будут в порядке, жив, жив!» Где-то совсем уж глубоко вспыхнула искра недавно перенесенной сильной физической боли, но Одри не рискнула погрузиться так глубоко, и искра угасла. Ай да носителя выбрал компьютер! Действительно силен. Черт, что же с ним было?

– В канаве ты сдохнешь.

– Вот именно. – Не обиделся, конечно, дружеская шутка, но какой-то мгновенный укол внутри чувствуется. – А где, скажи, в Башне канава?

– Ладно, кончай базар. Где тебя посадить – на побережье?

– Там же, где и взял. В Конхалоре.

Руа-Танг обошел Деайнима вокруг, демонстративно приглядываясь.

– Ты что, спятил? Жить тебе надоело? Щенок чертов. Как заговоренный.

– А я и есть заговоренный. Но не в том дело. Если где меня и не станут искать, так это в Конхалоре.

– Так тебя и искать не надо. Ты приметный.

– Ну и пусть примечают на здоровье.

Деайним пинком отправил под койку пропотевшую грязную тунуку и поношенные сандалии. Одри ощутила его колебания и финальную мысль, что штаны, пожалуй, сойдут и те, что на нем. Он натянул высоченные, до самого паха, обтягивающие сапоги из желтой мягкой кожи с длинными узкими резными отворотами. Подошел к выдавшему виды зеркалу. Одри с любопытством глянула на возникшее отражение.

Так вот в кого судьба занесла! Высокий, худощавый, жилистый. Очень белая кожа, давно утратившая следы загара. Широкий шрам на левой стороне груди убегает под мышку и, судя по всему, продолжается на спине. Ужасный шрам. И совсем недавний. Неумело наложенные швы сняты, самое большее, два дня назад. Одри содрогнулась всем телом своего рассудка. Узкие изящные запястья, длинные тонкие пальцы – но если эту аристократическую кисть повернуть ладонью, видны пожизненные мозоли. Кончики пальцев чуть сплющены. Длинные, очень длинные волосы почти не потемнели от воды. Тонкое, спокойно-насмешливое лицо с прозрачными зелеными глазами. Изумрудно-светящимися, узковатыми и удлинненными. Пожалуй, красив, хотя и не в ее вкусе.

Деайним набрал на тряпочку красную краску и провел зигзаг, скрывающий шрам. Немного другой, шоколадно-коричневой, взял пальцем и нанес на лицо: точка и две косые полосы на левой скуле, три горизонтальные – на правой. Вытер руки, расчесал влажные волосы. Высокий лоб и мокрые пряди охватила тугая лоснящаяся головная повязка.

– А я-то тебя порядочным человеком считал, – ехидно удивился Руа-Танг.

– То ли еще увидишь, – с деланным равнодушием ответил Деайним.

Он взял длинное широкое полотнище, перекинул его через шею, перебинтовал на груди крест-накрест и затянул на спине. Поверх он надел шнурованный пояс, в просторечии именуемый боевым корсетом, странно широкий, от бедер до сосков, кожаный, расшитый металлом. Такие же кожаные повязки, от запястья до локтя, облекли руки.

– Так я, говоришь, приметный? – обернулся Деайним к Руа-Тангу. Говорил он резко, отрывисто. Такие лающие фразы характерны для отребья Конхалорского базара.

Руа-Танг мог ему ответить только его же собственной фразой.

– А пусть примечают на доброе здоровье.

Одри мысленно заплодировала.

Через несколько часов Одри ругала своего носителя на все корки. На те самые, которых он и в зубах не держал. Деайним нервничал, но Одри-то нет, и ей было совершенно ясно, что пора бы перекусить. Деайним же в ответ на предложение Руа-Танга заморить червячка

только головой покачал. Червячок был уже размером с изрядную кобру, но Деайним не ощущал этого. Кобру заклинала Одри. Деайним не думал о еде, да и едва ли о чем-нибудь думал. Перед высадкой он даже нервничать перестал. Только неприятное вибрирующее нечто мешало Одри. Чтобы сосредоточиться, Одри ухватила за эту вибрацию, перевела ее в образ вибрирующей струны и попыталась определить тональность и интонацию. Вибрация воплотилась в насмешливый низкий до-диез. Затем внезапно оборвалась. Одри замерла. Неужели Деайним успокоился из-за ее упражнений? Плохо. Нельзя проявлять себя так явно. Притом она не уловила, когда это он взял себя в руки. Правда, она была занята. Но впредь стоит быть осторожней, не влиять на клиента без надобности. Собачья все же жизнь. Носитель на тебя влияет, а ты на него – не моги. Неровен час обнаружит, что им что-то управляет, а тогда... Ладно еще, что у Деайнима сильное тело, мускулистое, неодышливое, и если забыть, что он мужчина, а она – вовсе наоборот, вливаться в него – одно удовольствие. Невзирая даже на сломанные ребра и массу порванных связок и сухожилий. Ай да носитель! Как удачно он исхитряется отделаться от боли, забыть о ней. И еще любопытная черта: умение отдалиться даже минимальному удовольствию. Вот как сейчас, например. Прохладный ветерок, соленый морской воздух, чуть более терпкий, чем земной. Роскошный вестибулярный аппарат у парня. У самой Одри – так себе, от наблюдателей требуется абсолютное психическое, а не физическое здоровье. Благодаря носителю она впервые в жизни наслаждалась морем.

Но вообще-то действительно надо спрятаться чуть по-глубже. Наслаждения можно и разделять, а вот мучениями и страхами с носителем делиться не стоит. Ведь ей до сих пор неудобно и немного мутно, хотя Деайним Крайт чувствует себя недурно, несмотря ни на что. Каково ей придется, если ему сделается плохо? Нет, надо себя прижать. Вот как сейчас. Шлюпка такая маленькая, так далеко внизу, на волнах. Одри бы в жизни не спустилась. Господи, только бы Деайним не уловил ее ужас, иначе он мгновенно полетит в эту прозрачную воду.

– Ну, бывай здоров, – хлопнул Деайним Руа-Танга по жирной лопатке.

Грусть, предстоящее одиночество и радостное возбуждение. Веселый мандраж.

– Ты, того, поаккуратнее, – бормотнул Руа-Танг.

– Ладно, ладно. – Пожалуй, растроган, хотя, как здесь говорят, летает Руа-Танг на два неба ниже, Деайниму он не компания, а вот поди ж ты.

Деайним, легко упирая ноги в перекладыны, спускается в шлюпку. Подошвы мягкие, из той же кожи в один слой, и перекладыны хорошо ощущаются ступнями. Действительно, если здешняя кожа настолько прочна, что однослойные подметки не снашиваются, зачем тратить кожу понапрасну? Но все же странно ходить в сапогах, напоминающих во всем, кроме вида, балетные тапочки.

Деайним берется за весло и стоя правит к берегу. За шлюпкой тянется веревка, пропущенная через блок.

Берег. Деайним выпрыгивает из шлюпки на песчаный берег. Ноги отлично чувствуют каждую неровность почвы. Солнце жарко лижет обнаженные плечи, шею, лицо. Мгновенный мысленный образ большой собаки. Одри весело. Она возмущена, но не может не проникнуться обаянием этой наглой мысли. Н-да, дружок, если солнце тебе собака... но ведь и правда словно горячий вываленный язык касается кожи. Там, где наложена краска, с непривычки чуть пощипывает. Пахнет незнакомыми водорослями.

Слышен стрекот с корабля. Веревка тянет шлюпку назад, к кораблю. Подымает ее. Шлюпка с мощным всхлипом отделяется от воды и следует наверх. В памяти Одри всплывает забытое слово «кабестан». Или это Деайним? Нет, ведь возникло слово, а не образ. Это точно она сама.

Руа-Танг размахивает руками и что-то кричит. Ничего не слышно: начался отлив, а здесь он чудовищно стремительный, с грохотом и звоном. Отлив увлекает корабль, Руа-Танг и двое его матросов почти уже не видны.

Деайним наконец машет рукой в ответ и поворачивается спиной к морю. Его мысленный круг Одри улавливает и расшифровывает без всякого труда: неприятная неизбежность.

Деайним идет, проваливаясь по лодыжки, уходит по пылающему, слепящему мелочно-белому песку. Вроде существует что-то наподобие сандалий с шипами, надеваемых поверх сапог в таких случаях, но у Деайнима ничего подобного с собой нет.

Наконец-то дорога. Тоже белая, вспыхивающая под солнцем, и над ней дрожит и мерцает прозрачное марево. Удивительная красота. У Деайнима формируется мысленный образ дождя. Ощущение досады. Он неохотно ступает на дорогу. Восхитительное марево составляет мириады иголок, невидимых, пока не высверкнут радугой, потом гаснут вновь. Они покалывают кожу. Глаза начинают слезиться. Это пыль здесь такая. Солнце печет всюду, пыльные иголки разъедают кожу. Резь в глазах становится нестерпимой. Какое там нестерпимой – не унывай, Одри, то ли еще будет, как говорит твой хозяин, в смысле, что дальше будет хуже. Идти до городской стены Конхалора... м-м-м... в переводе на наши деньги это будет... это будет... два часа. О-о-о! Это не дорога, а мучение сплошное. Даже для сильного тела Деайнима. Пройти-то он пройдет, но боль в ребрах усилилась, заколотила медленной пульсацией. Шрам, совсем еще свежий, лихорадочно пылает. Еще два часа этой пытки. Сейчас Деайнима ведет на автопилоте. Хорошее слово. Жаль, что здесь его нет. Мысленный образ дождя повторяется с маниакальным упорством. Дождь. Оседающая пыль. Прохлада. То-то бы славно. Деайним со злостью старается выдать из себя эту мысль. Одри уже не в состоянии ничем ему помочь. Она пытается не навалиться всей ментальной тяжестью, хотя бы не помешать, бедняга, ему и так несладко. Деайним останавливается. Переводит дыхание. Острая пыль обжигает вбивается в легкие. Мысленные образы распростертого плаща... масла на воде... порыв ветра разбивается о стену леса... волна боли разбивается в брызги удовольствия... терпкая мышечная радость напоминает Одри вкус хурмы... ничего, что больно... ничего... покуда больно, живой... сверкающие иглы вбиваются в тело... живой... легкие разрывает рвотным спазмом... живой... всеблагая богиня, как хорошо, как больно... как восхитительно нестерпима раскаленная линия шрама... живой... живой...

Ну, положим, это еще не нестерпимо. Нестерпимо становится, когда Деайним снова начинает идти, обливаясь потом. Одри катастрофически тупеет. Она слишком устала, чтоб одобрить выдержку Деайнима. В ее усталом рассудке это имя незаметно перетекает и трансформируется в Дени. Так короче. И привычнее. Должно же быть что-то привычное в этом непривычном воплощении. Дени. Ну, еще немного, Дени. Дрожащая в раскаленном воздухе белая стена Конхалора не приближается ни на шаг. Ничего, Дени, это только кажется. Вперед же. Вперед, черт возьми!

За этими разнообразными мыслями Деайним и Одри машинально преодолевают остаток пути. Кончено. Об этой вылазке лучше помалкивать. Никто никогда не поверит, что он прошел по Ночной дороге днем, да еще и солнечным, и не задохнулся, и не изжарился, и не... Деайним сходит с кошмарной дороги, подальше от радужной пыли, падает на маленькую жесткую травку и долго мучительно кашляет, вдохнув свежего воздуха.

Конхалор – город как город. За пять лет работы Одри навидалась их предостаточно. Умеренно вонючий, очень красивый, для земного восприятия немного безумный. Что-то вроде смеси готики с мавританским стилем, странное сочетание устремленности вверх с горизонтальной протяженностью. Узкие улицы, довольно прохладные даже в крайнюю жару. Непривычно только разве что редкостное единство замысла и белизна стенной кладки, еще не осклизлой, не пропитанной всякой дрянью. Новая столица. Конхалор возник, как плесень, быстро и незаметно и раскинулся широко, как пятно плесени. Наглая, но завораживающая красота,

В памяти Деайнима всплывают образы. Ему самому они незаметны, сознание занято не прошлым – настоящим, но Одри, решив полюбопытствовать, перехватывает их... ломит спину, голова горит, проклятие, это же не пальцы – лучинки, как ими поднять неподъемную тяжесть камня, пресветлая богиня, зачем ты создала меня таким хрупким, колени гнутся, босые ноги разъезжаются, вчера на этом месте Рифрифт сорвался и разбился, его кровь не стали смывать, она впиталась, эй, я ведь стою на его теле, иду по его крови, Рифрифт, я сейчас тоже сорвусь, или нет – брошусь вниз, как ты, – с третьего яруса на второй, брошусь со второго, лучше это, но бить себя не дам, пить, ради всего святого, пить, как я гордился своими пальцами раньше, как гордился, чтоб их переломало...

Одри стряхнула чужое воспоминание. И так все ясно. Интересно, как здесь называются каторжные работы? В памяти Деайнима она отыскиала с десятков жаргонных словечек, но как они называются в речи обычных людей? Или и здесь торжествует общественное лицемерие и их здесь называют чем-то вроде исправительных работ? Едва ли. Феодалным культурам незнакомы подобные хитрости. Они наивнее и называют пытку – пыткой, а не допросом. Ладно, выясним. Лучше бы поинтересовалась, чем занят Дени. Ничем интересным. Планов на ближайшее будущее он не строит, а о необходимости связаться кой с кем думает в категориях временного отдаления. Сейчас главное – влиться в толпу.

Деайним подошел к ступеньке, высеченной в стене. Двери за ступенькой нет. Здесь ожидают разносчиков. Скуластая девица несет винный мех. Деайним шелчком пальцев приказывает ей остановиться. Вино льется в кожаный сосуд для питья. Деайним небрежно швыряет плату на поднос, прикрепленный к левой руке разносчицы, и жадно пьет молодое вино. На вкус Деайнима оно сладковато и недостаточно настояно на травах, а Одри, решив принять вкусовые импульсы сама, находит вино тянуще терпким и с легким известковым привкусом. Наложение двух ощущений создает фантастический эффект. Каким бы ни было вино, оно освежило Деайнима.

Пока он пил, девица сочувственно поглядывала на него. Оно и понятно. Разрушительная пыль Ночной дороги сделала свое дело, и маскарад Деайнима уже не выглядел новым. Теперь его одежда имеет такой вид, словно он не снимал ее неделями, причем спал в ней на помойках, выбирая для ночевки самые отвратительные. Самого Деайнима это сочувствие приятно забавляет, но изображенный им персонаж должен или облапать девицу, или оскорбить. Еще не допито вино, а решение уже принято.

Деайним стряхнул последние капли вина наземь и грубо толкнул разносчицу в плечо. Извини, милая, думает Одри, но это необходимо. Деайним тоже что-то подумал, но слишком быстро, Одри не стала ловить эту мысль: она явно относилась к обиженной разносчице, а не к дальнейшим планам. Жаль девочку, да и вино было неплохое. Одри ни к селу ни к городу снова ощущает давнюю жажду каторжника и думает совсем уже нелогично, как мечтало хрупкое мальчишеское тело об этом глотке лет десять назад. Теперь-то его не назовешь хрупким...

– Эй, ты, поди сюда.

Страшный удар сердца. Замирание. Деайним с деланной беспечностью ленивой походкой направляется к человеку с металлическим браслетом повыше локтя. Ты зря волнуешься, Дени, если бы стражник тебя узнал, он позвал бы иначе или не позвал бы вовсе. Болвану просто жарко и скучно, и он хочет пнуть пониже спины базарного шакала или обменяться парочкой оскорблений с первым встречным, чтоб засадить его на недельку. Дени, неужели ты не видишь, что это не враг, умный и опасный, а просто тля, дорвавшаяся до власти? Невелика власть, конечно, не Правительница, не Советник, но смерть как охота ткнуть носом в грязь такого же, как он сам. Ты же умница, Дени, так не наделай глупостей.

– Имя?

– Рифрифт.

Одри дернулась и тут же ругнула себя от всей души. Деайним не знает, откуда возникло это сочетание звуков на его губах, сознательно он даже не помнит имени несчастного каторжника, откуда же у него могло взяться дурное предчувствие, неприятное мление под ложечкой и мучительное чувство ошибки? Это ее работа. Дуреха, как есть дуреха.

– Кто такой? Чем промышляешь?

– Я – риалот.

– Риалот, как же. С такими руками. Кто таков, спрашиваю.

Деайним сам не свой от гнева и готов взорваться, но опасность властно требует держать себя в руках. Ярость и смирение в переводе с языка мыслей и чувств на язык слов и осанки воплощаются в смесь дерзости и раболепия. Именно то, что нужно.

– Я правду говорю, господин. Я – риалот.

– Ну и где же твоя алота, коли риалот?

Деайним достал из сапожного кармана небольшой плоский футляр, а из футляра – странной формы деревяшку, всю изогнутую, перепутанную, с металлическим держателем. Стражник невольно напрягся. Инструмент высочайшего класса. Такие встречаются разве что у аристократов, не умеющих должным образом на них играть. Обычные бродяги-музыканты довольствуются прямой алотой. Если говорить земными категориями, прямая алота против изогнутой все равно что губная гармошка против органа. Ясно же, что этот мерзавец – не простая штучка. Но может, он украл инструмент? И то, пальцы у него для игры неподходящие. Мозолистые, прямо скажем, пальцы.

– И сыграть можешь?

Деайним, взяв алоту за держатель, провел большим пальцем по извилистой поверхности, вызвав звук, похожий на струнный, и дополнил его, зажав пальцами левой руки изгиб рядом с держателем. Дерево алоты отзывалось на любые прикосновения, не нуждаясь в струнах или клавишах. От музыканта-риалота поэтому требовались такие чуткие пальцы, какие на Земле не снились даже скрипачам. Деайним свою старую алоту оставил на память: потаскавши камни, особенно не поиграешь, а вот ведь пригодилась. Конечно, это не музыка, это надругательство над музыкой, но для стражника сойдет, много он понимает.

Однако первый звук вышел на удивление удачным, и Одри ясно почувствовала, как Деайнима забрало за живое. Аж в кишках похолодело. Вдохновение – не вдохновение, так, предчувствие, не спугнуть бы. Следующая нота от излишнего старания вышла ужасной, и Деайним, раздраженный, но внешне спокойный, начал обычную любовную мелодию в каноническом для этой темы разложении. Поначалу это звучало довольно банально, вот разве только холодная техничность... Одри никак не могла понять радостное возбуждение Деайнима, ведь ничего особенного он не играет, но вскоре уловила, что любовные вариации приобрели неудержимо ироническую окраску, не выходя притом из канона. Разрешения становились для Одри все более неожиданными, так как здешних гармоний она не знала, но и стражник стоял с отваленной челюстью. Доведя мелодию до сплошного издевательства – над стражником, над собой, над сладкими трелями, – Деайним вдруг ощутил недовольство: издевка – та же банальность. Переход на дуэтную линию он провел безупречно. Дуэт неприятно резанул непривычную к подобным построениям Одри. Горизонтальное расположение гармонии для левой руки и вертикальное для правой не создавало даже мелодической решетки. В любовную историю входила тема Конхалора, ненавистного и восхитительного, политого слишком дорогой кровью, горизонтально-вертикального, безумного. Закрепив поворот темы, Деайним оборвал на середине музыкальную фразу, зажав алоту зубами, и Одри содрогнулась от великолепного трехрегистрового всплеска. Это было... ну, скажем, опытный донжуан, влюбившийся впервые в жизни в наивную девчонку, привел ее в компанию своих друзей, где она сморозила что-то нелепое, словом, свалила дурака. Гнев, стыд – ведь это он ее привел, обида – но и неизвестно откуда непонятная гордость, и всезатопляющая нежность, и люблю, люблю, и все это и многое другое,

вместе, одной мучительной волной... Нота еще дрожала в воздухе, когда Деайним укладывал алоту и закрывал футляр, сам дрожащий от усталости, мокрый, как мышь.

На площади было жарко и душно. Одежда клеилась к телу. Одри терпеть не могла ощущение собственной липкости, Деайним ненавидел его до тошнотного комка в горле. Соединенное желание властно влекло их общее тело в какую-нибудь баню. В задней комнате в земляной пол врыты бочки с водой... м-м-м, блаженство какое. А потом обсыхать... или нет, лучше даже надеть только что постиранную, влажную одежду и обсыхать подольше. Шиш тебе, Деайним, а не обсыхать. За воду надо платить. А ты и так уже порастряся. Ужасно. Сколько эта маленькая нахалка содрала за свое вино – просто уму непостижимо. У Деайнима в мозгу плясала, выкидывая коленца, сумасшедшая мысль: попытаться заработать на жизнь игрой на алоте. Совершенное безумие. У странствующего риалота инструментов такого рода не бывает. Рискнуть – значит привлечь к себе внимание. Проведем аналогию. Какой полицейский на Земле не заинтересуется, появившись на его участке босяк с уголовными замашками, скрипкой Страдивари и руками каторжника? Если у упомянутого полицейского достанет ума хотя бы отличить омлет от бифштекса, босяк окажется под арестом. Ну и в нашем случае будет то же самое. Так что с идеей заработать алотой следует проститься. А заработать любым другим способом... вот уж о чем и думать смешно, когда это базарный шакал хоть раз в жизни работал?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.